АЙГУЛЬ ГУЛИНА ПОХЛЕБКА ОТ УРАЛЬСКОГО ЛАМЫ

«А где картинки к этому замечательному тексту? — вздохнула редактор. — Я, может быть, и поверю, а вот зрителю ты что показывать будешь? Либо описывай, что наснимала, либо снимай то, что хочешь сказать».
Как себя чувствует газетчик, которому вложили в руки видеокамеру?
Примерно как если бы связали руки и предложили написать ногами.
Мыслей и знаний ворох, а выходят дрожащие каракули.
Раньше, эпизодически участвуя в телевизионных съемках, я думала лишь о том, как хорошо выглядеть на экране, не забыть вопросы и растормошить собеседника.
Теперь же, словно шагнув по ту сторону зеркала, наблюдаю за всем сквозь холодную прозрачную линзу. И заново открывать этот мир, вооружившись «третьим глазом» — видеокамерой, очень здорово.

Автор видеооператор — корреспондент телеканала «Интерра — ТВ», г. Качканар, Свердловская область. Фото — Артем Ютанов, Дмитрий Гулин

Один из сюжетов о наступлении буддийского нового года Сагаалган 19 февраля этого года снимался в монастыре Шад Тчуп Линг на вершине горы Качканар. Чтобы попасть в гости к монахам, требовалось пройти около восьми километров пешком вверх по горной тропе через заснеженную тайгу. Помимо оборудования с собой в рюкзаках мы несли гостинцы зимующим монахам — крупу, макароны, масло, чай и сгущенку. Позже каждая макаронина казалась камнем, и лишь мысль о голодающих в метель отшельниках не позволяла сбросить все это добро с плеч в ближайший сугроб.

Проводница Мария молчала, экономя дыхание и силы. И все же я узнала, что она прожила в монасты-

ре послушницей три года после окончания юрфака и теперь наведывается сюда дважды в месяц, в свободное от работы судебным приставом время. Я поглядывала на нее и тщетно пыталась найти малейшие признаки неадекватности или отрешенности. Она спокойно улыбалась, привыкшая к такой реакции.

Вершина горы, которую облюбовали местные буддисты, является территорией Качканарского горно-обогатительного комбината. Карьер, где добывается железная руда, понемногу съедает склоны, и до монастыря остались считаные километры. Вход посторонним сюда воспрещен, и все же упрямые искатели приключений и местной экзотики топчут тропы в обход контрольно-пропускных пунктов и охранников.

Никто достоверно не знает, как и почему основатель монастыря Лама Санье Тензин Докшит, а в миру Михаил Санников из Перми, оказался здесь. По слухам, у него где-то осталась семья, кто-то приписывал ему службу в горячих точках и проблемы с законом, но, пожив некоторое время в Иволгинском дацане в Бурятии, в девяностые он соорудил тут хижину с благословения его учителя Пема Джанга и продолжил духовное самопознание. К нему потянулись паломники и единомышленники. За 20 лет община обросла общежитиями и хозпостройками, обрела официальный статус.

Уставшим, промокшим и замерзшим за несколько часов восхождения в метель, все равно, в какой чашке подадут горячий чай. Сам Лама больше напоминал полевого командира в камуфляже, а монахи были неразличимы в толпе небритых и растрепанных туристов. Хотелось найти угол потеплее, снять мокрую обувь и горнолыжные костюмы, вытянуть гудящие ноги и оглядеться. Особо представляться и объяснять цель визита нужды не было, здесь привыкли к блогерам, фотографам и любым гостям.

Рядом шла бойкая торговля травяным чаем, вязаными шапками, магнитами и мандалами. (Что-то наподобие снежинок из деревянных палочек, обмотанных цветными нитками.) «Вы должны повесить это у себя дома, чтобы структурировать жизненное пространство, — чистым высоким голосом увещевала голубоглазая монахиня Хонгорма. В непонятном свитере и мужской футболке, надетой поверх, был различим огромный живот будущей молодой мамы. Хонгорма бойко перемещалась к печи, подбрасывала дрова, помешивала в огромном закопченном баке, снимала кипящий чайник, подливала кипяток вновь прибывшим, показывала рукоделие и отсчитывала сдачу. И так на протяжении нескольких часов.

Лама Докшит курил, негромко беседуя с паствой, краем глаза наблюдая за всеми.

«Что такое одиночество? — донеслось до моих ушей. — Это выбор окружения. Один плохой человек может испортить сотню хороших. Вот представь тонну клубники и килограмм дерьма. Смешать их — думаешь, клубника выйдет? Нет, тонна дерьма получится... Так что лучше без такой клубники, как-нибудь».

Тем временем Хонгорма пригласила гостей проследовать к месту ночлега, чтобы те могли оставить рюкзаки и спальники. Я устремилась за ней по холодным коридорам, устланным домотканными ковриками. В одной из полутемных пустых келий с маленькими окошками под потолком, за клубами пара я разглядела детскую кроватку. Оттуда Хонгорме тянула руки маленькая годовалая девочка в теплой вязанной шапке и комбинезоне. Быстро чмокнув, монахиня вручила ей бутылочку с кашей.

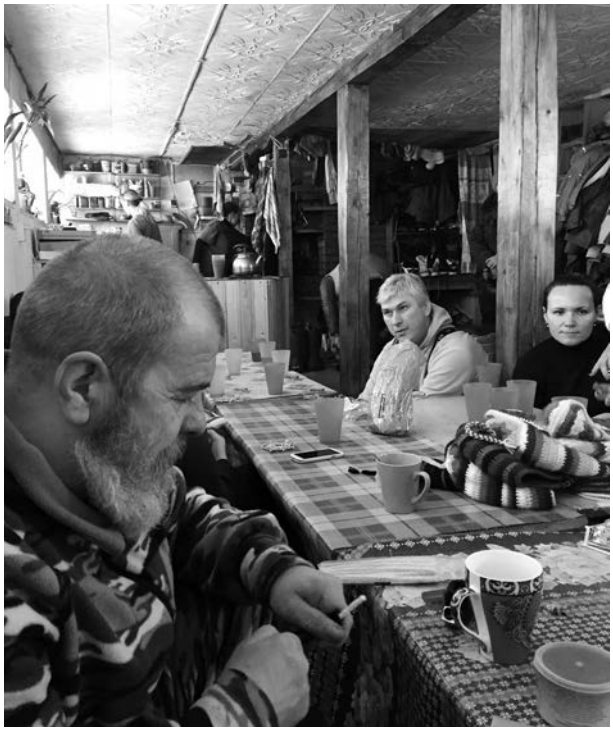
Улыбчивая Василиса унаследовала от матери распахнутые голубые глаза и веселый нрав. Ребенок-абориген, в горах растет в совершенной изоляции от врачей, прививок, без электричества и воды, а вместо игрушек и воспитателей наблюдает шумные толпы туристов.

Предвосхищая мои вопросы, Хонгорма рассказала, что за все существование монастыря лишь двое человек удостоились звания буддийского монаха. Прошли все ступени отречения, овладели санскритом и мантрами Хонгорма и еще одна девушка Сатима. Важным моментом является бритье головы. Лама этим действом отсекает прошлую жизнь, связи, родственников и нарекает новообращенного буддийским именем. Хонгорма живет здесь около семи лет, и к отсутствию волос совершенно привыкла. Два года назад один из вновь прибывших послушников стал ее мужем, и она не видит иной судьбы за пределами общины.

Спохватившись, молодая мамочка посадила дитя обратно в кроватку и поспешила накормить всех обедом. Казалось, бак на плите был безразмерным, потому что каждому послушнику и туристу доставалась тарелка горячей гороховой похлебки, а в тот день, по моим подсчетам, их побывало не менее двухсот человек. Первую ложку по буддийским обычаям каждый отливает в специально поданную миску для домашних животных. Лама читает мантру и начинает трапезу первым.

«Мы должны знать, как она достается нам», говорится в Гатхе, вкушающих пищу. Вот и буддийская похлебка сварена из растопленного снега, дрова добыты и наколоты послушниками монастыря, а крупу километры нес на себе запыхавшийся паломник. Стоит ли говорить, что съеденная в Новый год на вершине заснеженной горы, она была столь желанной, согревала и давала силы?

Оставаться на ночлег с толпой незнакомых людей и доставлять хлопоты беременной Хонгорме не хотелось. Дорога вниз показалась быстрой. Подгоняла не только темнота, метель и шорохи ночной тайги, но и желание поскорее вернуться в цивилизацию.



«А где медитация? А где молитвы и мантры? А где Лама и монахи-то?» — были раздосадованы монтажеры при просмотре материала.

У уральского буддизма женское лицо.
Готовое к самопожертвованию и лишениям.
Красивое в своем стремлении к счастью.

&

РЕЦЕПТ ПОХЛЕБКИ ИЗ БОБОВЫХ ПРЕДЕЛЬНО ПРОСТ

Лучше всего она получается из красной чечевицы.
На два стакана воды берется стакан крупы, солится и варится 20—25 минут.
Для калорийности можно добавить обжаренного с луком сала.
Эстетам и следящим за фигурой понравится с оливковым маслом, специями и лимоном.
Похлебка хороша хоть с пирожками, лепешками и сухарями.
И вообще без ничего.

А ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА СЕКРЕТНЫЙ ИНГРЕДИЕНТ — МАНТРА ОТ ЛАМЫ ДОКШИТА

«ОМ А ХУМ САРБА АМРИТА СИДДХИ ХУМ ДЗА
Перед едой прочесть это 7 раз, затем подуть на пищу, передавая благословение мантры.
Этим деянием пища превращается в амриту-нектар безболезненности и долголетия».